

М. И. Драгомировъ, командующій войсками округа¹⁾.

Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ не упускалъ случая упомянуть о томъ, какъ онъ вообще не любилъ „бисмарковскую націю“; отдавалъ онъ, правда, полную справедливость нѣмцамъ способнымъ, но едва-ли самъ замѣчалъ, что ужъ если бывало найдеть изъ нѣмцевъ нашихъ, т. е. изъ находящихся на русской службѣ нѣмца, неспособнаго, то ужъ тѣснить и распекаетъ его на всѣ лады, относясь при этомъ зачастую если небезразлично, то снисходительно къ неспособному изъ русскихъ или вообще не изъ нѣмцевъ; въ особенности онъ не могъ переносить малѣйшаго, какъ онъ выражался, проявленія тупости со стороны какого то ни было нашего генерала-нѣмца; и все это безотчетно, не имѣя въ томъ никакой предвзятости; замѣтно это ему самому вовсе не было и, если кто-либо рѣшался ему высказать на этотъ счетъ родъ своего указанія или намекъ на указаніе, то онъ оспаривалъ съ твердостью, которая могла кого угодно убѣдить въ томъ, что ему дѣйствительно безразлично—нѣмецъ, русскій или тунгусъ тотъ генералъ, который проявляетъ вообще ненавистное для него отсутствіе понятливости; онъ утверждалъ, что разноситъ его, какъ и всякаго, за вредъ, приносимый службѣ его тупостью, разноситъ именовъ службы и никогда не позволяетъ себѣ по службѣ ни хвалить ни благодарить, ни распекать или осуждать лично отъ себя. Какъ извѣстно, онъ и ввелъ въ свои приказы терминъ, знаменующій собою отмѣнное безпристрастіе: „объявляю благодарность отъ лица службы“; многимъ это не нравилось. Легче ли отъ этого? говорили они и спра-

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1912 г.

ведливѣ ли? Но надо полагать, что претензію на это можео было выражать только ради желанія, во что бы то ни было, найти поводъ ввернуть осужденіе.

Разбирая вообще, въ связи съ чувствами своими къ бисмарковской націи, личность короля Карла Румынскаго, М. И. не только хвалилъ его, какъ князя и короля, одобрялъ, какъ военнаго, но и восторгался имъ, какъ человѣкомъ энергичнымъ, въ высокой степени предприимчивымъ, ловкимъ и умнымъ.—Больше всего эти его качества выплываютъ изъ того, какъ онъ въ свое время въ жизни, по выраженію М. И. Драгомирова, „пробрался въ дамки“.

Разсказывая о томъ, какія здравыя сужденія король Карлъ высказывалъ относительно всего, что ему доводилось видѣть въ войскахъ изъ показывавшагося, какъ гостю въ Кіевѣ, въ тотъ годъ, М. И. говорилъ, что здравому смыслу и опытности этого маленькаго Гогенцоллерна надо удивляться; кромѣ отрицательнаго здраваго смысла въ немъ Мих. Ивановича удивляло отсутствіе пристрастія къ своему, нѣмецко-швабскому; за время командованія войсками въ Кіевѣ М. И. имѣлъ нѣсколько случаевъ принимать проѣзжихъ нѣмецкихъ офицеровъ и если не показывать имъ чего-либо въ нашихъ войскахъ, то, угощая ихъ у себя на дому, вести съ ними бесѣды о военномъ дѣлѣ; таковы были: Лигницъ, Гольцъ, графъ Ведель, Вильомъ, Тетау и другіе изъ числа находившихся раньше при нашихъ войскахъ въ видѣ военныхъ агентовъ въ мирное время или во время войны. М. И., давая себѣ трудъ, припоминать вообще тѣ отзывы, которые ему доводилось отъ нихъ слышать, между прочимъ, запомнилъ, что всѣ названныя лица, кромѣ кого-то одного, разсуждая о принятомъ имъ тогда въ округѣ упражненіи пропуска кавалеріи черезъ ряды пѣхоты, первымъ дѣломъ спѣшили отрекомендовать Фридриха Великаго изобрѣтателемъ этого дѣйствія въ бою. Только лишь король Карлъ, увидѣвъ во время смотра на учебномъ полѣ практикованіе этого пропуска, не приписалъ его своему гроссъ-фатеру, а прямо сказалъ: этотъ остроумный, полезный и крайне необходимый въ боевой практикѣ войскъ маневръ ведется въ нихъ, благодаря начинанію генералиссимуса Суворова.

Этотъ небольшой примѣръ—далеко не единственный изъ числа тѣхъ, на которыхъ король показалъ въ себѣ отсутствіе безшабашнаго нѣмецкаго бахвальства, столь распространеннаго между его единомышленниками всѣхъ странъ, говорилъ М. И.

* * *

Къ дому Гогенцоллерновъ въ Пруссіи принадлежит нѣсколько отраслей и между прочимъ родъ королевской фамиліи, которой пред-

ставитель прусскій король Вильгельмъ I въ 1871 году получилъ въ прибавку титулъ германскаго императора, а фамилія сдѣлалась королевско-германскою.

Еще въ 1849 году королевская фамилія получила въ собственность владѣнія князя Фридриха-Гогенцоллернъ-Гехингена, уступившаго ихъ королю прусскому Фридриху-Вильгельму IV-му; примѣру этого князя послѣдовалъ вслѣдъ затѣмъ его двоюродный братъ князь Карлъ Антонъ-Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ; такимъ образомъ эти два гогенцоллернскихъ княжества—Гехингенское и Зигмарингенское навсегда закрѣпились по договору за старшей линіей Гогенцоллерновъ, являющихся представителями прусской королевской фамиліи, т. е. прусской короны.

Кн. Фридрихъ-Гогенцоллернъ-Гехингенъ умеръ въ 1869 году; князь же Антонъ-Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ здравствовалъ еще долго послѣ него; у него было три сына и дочь. Всѣ они должны были удалиться въ частную жизнь, оставаясь принцами королевскаго дома и имѣя титулъ высочества. Кн. Антонъ отличался либеральнымъ образомъ мыслей и считалъ себя представителемъ либерализма, въ Пруссіи; онъ занималъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ постъ министра-президента въ томъ королевствѣ, а въ шестидесятихъ годахъ состоялъ генераль-губернаторомъ въ Дюссельдорфѣ.

Старшій сынъ его принцъ Леопольдъ былъ женатъ на принцессѣ португальской; поэтому или по другимъ причинамъ ему была въ 1870 году предложена корона Испаніи, единокровной съ Португаліей; эпизодъ этотъ достаточно извѣстенъ по своему концу, сдѣлавшемуся началомъ франко-германской войны. Младшій сынъ палъ геройскою смертію на поляхъ Кенигсгреда, во время австро-прусской войны.

Дочь сдѣлалась супругой бельгійскаго принца Филиппа, брата умершаго въ 1910 году короля Леопольда I—и такимъ образомъ стала принцессой Фландрской.

Средній сынъ Карлъ имѣлъ врожденное стремленіе къ тому, чтобъ сдѣлаться вновь владѣтельнымъ княземъ; вынужденная, договорная уступка владѣній далеко не пришлась ему по сердцу, онъ, конечно, не думалъ о возможности проявленія какого бы то ни было неудовольствія по поводу этого, а тѣмъ болѣе о возможности борьбы съ этимъ, хотя неустанно,—тихо и мирно—мечталъ о какомъ-либо иномъ оборотѣ судьбы,—оборотѣ, который соотвѣтствовалъ бы затаеннымъ вождѣльнѣямъ его честолюбія и неудержимаго стремленія къ власти.—Болѣе счастливое стеченіе событій не заставило себя долго ждать, и скоро для молодого князя все

пошло такъ, что можно было сказать: „на ловца и звѣрь бѣжитъ“ или „сонъ въ руку“.

Княжества Молдавія и Валахія, имѣвшія разныхъ владѣтельныхъ правителей—выборныхъ князей, соединились въ 1861 году въ одно княжество подъ управленіемъ князя правителя Валахія Александра Кузы, избраннаго на престолъ Валахія въ 1859 году и уже управлявшаго ею въ теченіе полныхъ двухъ лѣтъ совершенно благополучно.

Два года приблизительно, до начала 1863 года, Куза управлялъ соединенною въ одно княжество страной, получившей названіе Румыніи; но затѣмъ началъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ женщинъ, проявлять массу беззаконій и произвола въ дѣлахъ управленія страной, а когда проявленіе того и другого обратилось въ хроническое, грянулъ въ простой и грубой формѣ переворотъ, послѣдствіемъ котораго оказалось то, что, занимавшій въ одинъ изъ праздниковъ караулъ въ княжескомъ дворцѣ стрѣлковаго баталіона, командиръ роты Липояно съ двумя молодыми офицерами, никѣмъ незамѣченный, а можетъ быть просто никѣмъ не остановленный, явился ночью въ спальню князя и, угрожая ему разстрѣломъ изъ приставленнаго ко лбу револьвера ¹⁾, заставилъ его встать съ постели, одѣться (и выйти изъ дворца для того, чтобы сѣсть въ приготовленную, стоявшую у подъѣзда, карету. Въ этой каретѣ Липояно лично съ тѣми же двумя подчиненными, сопровождавшими карету въ другомъ экипажѣ, отвезъ князя владѣтеля за румынскую границу въ венгерскій городъ Краіову, гдѣ оставилъ на свободѣ, объявивъ ему, что „возвращеніе его не только въ Яссы (столицу Молдавіи) или въ Букарестъ (главный городъ Валахія и столица Румыніи), но и просто въ предѣлы страны, пожелавшей его изгнать, будетъ равносильно оффиціально представленной съ его стороны просьбѣ быть немедленно убитымъ, каковое ходатайство будетъ, безъ малѣйшаго промедленія, удовлетворено“.

Покончивъ такимъ образомъ крайне энергично и, все-таки, можно сказать, человѣчно съ главой государства, партія, столь просто рѣшившая вопросъ, не задумываясь, приступила къ исполненію намѣченнаго ею плана дальнѣйшихъ дѣйствій своихъ по вопросу о томъ, чтобы освобожденный по желанію страны его княжескій престолъ не оставался долгое время вакантнымъ.

* * *

Все здѣсь изложенное представляетъ собой болѣе или менѣе извѣстные факты; дальнѣйшее никогда не было въ подробностяхъ

¹⁾ Въ тѣ времена это была новинка.

распространено, поэтому я хочу представить вниманію читателя рассказъ, слышанный мною изъ устъ М. И. Драгомирова, какъ разъ въ то время, когда король Карлъ Румынскій, уже болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, былъ его и войскъ округа гостемъ въ Кіевѣ.

Когда князя Кузу свергли, Братіано ¹⁾ и другіе, состоящіе подручными у бояръ, внезапно захватившихъ власть, поѣхали искать себѣ правителя. Въ тѣ времена куда же было ѣхать, если не къ всемогущему Наполеону III, тогда судьбъ вершителю и усиливавшемуся взять на себя, по примѣру дядюшки своего Наполеона I-го, роль раздавателя престоловъ и перетасовщика по этой части. Явившись въ Парижъ, эти искатели-румыны скоро и легко получили доступъ къ великому сфинксу и оракулу; принявъ ихъ очень серьезно, Наполеонъ, съ видомъ доброжелательнаго наставника, высказалъ имъ свое желаніе видѣть на престолѣ ихъ страны,—которой онъ тутъ же мимоходомъ предсказалъ прекрасное процвѣтаніе и блестящую будущность—одного изъ сыновей принца Антона Гогенцоллернскаго, только-что освободившагося отъ обязанностей владѣтельнаго князя и передавшаго свои права королю Прусскому.—Тамъ есть князь, жаждущій возврата къ правамъ владычества, если не въ своихъ земляхъ, то въ иныхъ странахъ,—сказалъ Наполеонъ самобытному посольству, при чемъ его слова похожи были на то, какъ хорошій посредникъ, имѣющій по части мѣстной коммерціи доподлинныя свѣдѣнія, съ видомъ знатока указываетъ, гдѣ можно пріобрѣсть кровную отмѣнно-хорошую лошадь или гдѣ имѣется въ продажѣ большая партія выдержаннаго вина,—вообще это напоминало со стороны Наполеона желаніе совершить прочную сдѣлку на подвертывавшемся товаръ первѣйшаго сорта.

Прибывъ по указанію его въ Дюссельдорфъ, румынскіе гонцы влетѣли, какъ снѣгъ на голову, къ принцу Карлу Гогенцоллерню Зигмарингенскому, оказавшемуся на-лицо второму сыну мѣстнаго военнаго генераль-губернатора принца того дома Антона.

Недолго разговаривалъ принцъ Карлъ; давъ свое согласіе, лихорадочно поспѣшилъ направить ихъ къ отцу, котораго нельзя было миновать въ переговорахъ о такомъ серьезномъ и важномъ дѣлѣ.

Съ отчаяніемъ вернулись къ принцу Карлу румынскіе посланцы отъ серьезнаго и суроваго принца Антона, сообщивъ, что онъ ихъ хорошо выслушать не пожелалъ, при чемъ объявилъ имъ, что онъ такихъ дѣлъ касаться не находитъ нужнымъ вообще, а въ част-

¹⁾ Въ 1877 году былъ министромъ внутр. дѣлъ и президентомъ совѣта министровъ.

ности не намѣренъ вовсе вмѣшиваться ни въ дѣла сына, ни тѣмъ болѣе, въ его авантюры, если одну изъ таковыхъ въ данномъ случаѣ можно предполагать или подозрѣвать.

Разсказываютъ, что видъ „пословъ“, которые всѣ были похожи на учениковъ, сбѣжавшихъ со школьной скамьи, не вселилъ въ князѣ Антонѣ никакого довѣрія; въ крайнемъ случаѣ, при предвзятомъ желаніи, во что бы то ни стало, отнестись къ нимъ серьезно и съ какою-либо хотя бы гомеопатической дозой довѣрія, можно было ихъ принять за оканчивавшихъ свое ученіе студентовъ.

Смущеніе, овладѣвшее господиномъ Братіано и компаніей дѣлателей румынской исторіи, нисколько не обезкуражило и не смутило принца Карла.

— Отецъ мой не хочетъ вмѣшаться въ мое дѣло; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ противъ вашего плана, уже ставшаго моимъ,—сказалъ онъ спокойно, добавивъ къ этому, что надо ковать желѣзо, пока горячо.

Побывавъ наскоро у отца, онъ въ тотъ же день выѣхалъ въ Берлинъ, куда за нимъ потянулись и братіановцы. Какъ поручикъ прусскаго гвардейскаго драгунскаго полка, принцъ Карлъ могъ во всякое время имѣть доступъ къ королю.

Вильгельмъ, допросивъ обо всемъ основательно и найдя дѣло неподходящимъ, предоставилъ принцу самому рѣшить вопросъ и поступить какъ ему покажется лучше, при этомъ добавилъ:

— Не подумайте, что я хоть одну минуту нахожу нужнымъ васъ отговаривать, или, Боже избави, вамъ приказывать; но разсудите:—пока вы не имѣете прямого согласія отца вашего, рѣшитесь ли вы пойти на это? не могу я отнестись къ вамъ иначе, какъ съ полнымъ доброжелательствомъ, а потому говорю, что самъ лично придержался бы этого, и иного совѣта вамъ отъ меня, какъ вы сами понимаете, услышать не придется;—повторяю, однако, что вполне предоставляю это вашей волѣ; въ концѣ концовъ вѣдь вамъ уже минуло двадцать семь лѣтъ.

Если такой твердый, выдержанный и умѣвшій владѣть собой человекъ, какимъ былъ принцъ Карлъ, могъ когда-нибудь придти въ смущеніе, то это могло случиться именно послѣ разговора съ королемъ, слова котораго во всякомъ случаѣ за выраженіе согласія онъ принять не могъ, а сдѣлать что-либо противъ воли короля ни дисциплина, ни всѣ отношенія къ Вильгельму ему не позволяли по совѣсти.

Встрѣтившимъ его почти у порога королевскаго дворца „посламъ“ онъ не отвѣтилъ однако отказомъ.

— Подождите, еще не всѣ мои переговоры окончены, не торо-

дите меня, я долженъ до конца спокойно обдумать и тогда, рѣшивши этотъ сложный вопросъ, пришлю за вами, сказалъ онъ почти досаждавшимъ ему молдовалахскимъ патриотамъ.

Не успѣлъ принцъ пройти улицу Берлина—Унтеръ-денъ-Линденъ, какъ ему навстрѣчу попался полковникъ графъ А. В. Голенищевъ-Кутузовъ, состоявшій, какъ извѣстно, отъ нашего Государя при особѣ короля Вильгельма. Принцъ и графъ были большіе пріятели и потому, зайдя въ ближайшій модный ресторанъ на той же улицѣ, дружески разговорились.

Графъ сразу замѣтилъ, что всегда спокойный принцъ находился въ легкомъ волненіи.

— Отказа со стороны короля я не усматриваю,—сказалъ онъ, выслушавъ подробный рассказъ принца обо всемъ происшедшемъ; когда же принцъ на разные лады приводилъ свои длинныя волновавшія его возраженія, графъ, въ свою очередь, со свойственной ему выдержкой, посоветовалъ ему попробовать пройти на нейтральную почву—поговорить съ гр. Бисмаркомъ.

— Мысль эта мнѣ приходила въ голову, я ее пожалуй приведу въ исполненіе, но мнѣ надо увѣрить себя въ томъ, что своимъ спѣшнымъ представленіемъ къ королю я не задѣлъ канцлера и что онъ, послѣ этого, отнесется ко мнѣ безъ той мелкой обидчивости, которая, какъ вы знаете, очень нерѣдко задѣваетъ и охватываетъ даже людей умныхъ, высокостоящихъ и сильныхъ духомъ...

— О! перебилъ его графъ Голенищевъ-Кутузовъ, это не такой человекъ; онъ прежде всего, конечно, подумаетъ о промахѣ, учиненномъ вами, но тутъ же сообразитъ и рѣшитъ, что этотъ промахъ ничто въ сравненіи съ важностью жизненнаго вопроса, который вы приносите на вѣсы его испытанной мудрости. Идите сейчасъ, промахъ вашъ останется при васъ, а ваше затрудненіе въ одинъ мигъ разрѣшится такъ же, какъ будетъ рѣшена ваша и маленькихъ безвѣстныхъ княжествъ судьба...

Черезъ двадцать минутъ, принцъ уже находился въ кабинетѣ желѣзнаго канцлера, который на просторномъ вывезенномъ имъ изъ Петербурга кавказскаго типа диванѣ лежалъ съ сигарой во рту въ полудремотѣ.

— Что вы мнѣ рассказываете,—вдругъ произнесъ онъ, перебивши на полусловѣ рассказъ принца и повернувшись на диванѣ больше въ его сторону; чортъ возьми, не тревожьте вы попусту и напрасно его величество; уѣзжайте скорѣй къ мѣсту, спѣшите занять его, вѣдь далеко не каждый день предлагаются и раздаются короны драгунскимъ поручикамъ. Хотя бы и въ такихъ мелкихъ балаганныхъ государствахъ, каково измышленное и намѣченное вами

княжество; поѣзжайте прямо туда, не теряйте ни минуты, думайте о томъ, какъ бы тамъ устроиться умнѣе.

Принцъ понялъ, что этимъ сказано все; этотъ желѣзный человекъ сразу осѣдлалъ весь вопросъ, все въ немъ взвѣсилъ, разобравъ по косточкамъ и политическую и всякую другую сторону его, а затѣмъ представить дѣло королю въ готовомъ видѣ; тогда у старика Вильгельма отпадетъ и исчезнетъ мысль о томъ, будто бы слѣдуетъ ожидать согласія принца-отца, который, въ сущности, запрета не налагалъ и о немъ рѣчи не велъ.

Разумѣется, принцъ первымъ дѣломъ поспѣшилъ высказать благодарность графу Голенищеву-Кутузову; онъ былъ счастливъ за себя, доволенъ за румынъ, уполномочившихъ себя и, вполне увѣренный въ себѣ, радовался за Молдовалахію.

Не долги были сборы и прощанья; принцъ, помня слова канцлера, не терялъ времени. Для переговоровъ пришлось ѣхать въ Бѣлгородъ, какъ въ ближайшій нетурецкій большой городъ въ предѣлахъ владѣній турецкаго султана.

Много тамъ представилось со всѣхъ сторонъ затрудненій самыхъ разнообразныхъ; устраненіе ихъ казалось съ перваго взгляда невозможнымъ и невысказаннымъ.

Султанъ Абдуль-Азисъ сталъ на дыбы, такъ какъ на каждомъ шагу, въ каждомъ сообщеніи чувствовалъ нарушеніе и попираніе его правъ, усматривая то и другое даже тамъ, гдѣ ничего подобнаго усмотрѣть не представлялось возможнымъ; съ одной стороны, онъ нервничалъ, а съ другой поддавался вліянію своихъ государственныхъ мужей, которые, отчасти не понимая ничего въ заварившейся кашѣ, а болѣе по восточной привычкѣ умышленно во всемъ придерживались преувеличенія пугали, своего повелителя.—Послы англійскій и французскій, какъ стало сразу извѣстно, настоятельно требовали, чтобы оставалось неприкосновеннымъ главенство Порты въ лицѣ султана; посоль Франціи, относясь совершенно равнодушно къ судьбѣ молодого принца и безразлично ко всему касавшемуся княжествъ, ссылаясь на приказанія, пришедшія отъ Наполеона.—Все это было причиной того, что братіановцы терялись, кипятились, волновались, отчаивались, безтактничали; да можетъ быть и было отчего закружиться юнымъ головамъ; каждую минуту, при каждомъ новомъ затрудненіи они должны были чувствовать, какъ почва подъ ними ускользала; не было сообщенія и даже слова, которое, будучи высказано противной стороною, не заставляло ихъ смущаться и рѣшительно ступовываться.

Одинъ лишь принцъ держалъ себя твердо и повторялъ все время одно,—что онъ не допуститъ главенства надъ собой падишаха и

во всякомъ случаѣ настоять на исполненіи своего предьявленія. Это, вмѣсто ободренія, приносило окружавшимъ его членамъ посольства лишь новое смущеніе, вселяя въ нихъ новые страхи. Если они имѣли тогда долю сознательнаго представленія обо всемъ свершавшемся,—имъ должно было твердо запастъ въ память и остаться при нихъ на всю жизнь почтительнѣйшее убѣжденіе въ огромномъ запасѣ силъ, коими богатъ былъ ихъ новый князь, твердо и неустанно державшій развернутое имъ знамя; бросалось въ глаза, что онъ ни разу не произнесъ, обычной въ подобныхъ случаяхъ у другихъ, угрозы—уѣхать, если его желаніе не будетъ исполнено; нѣтъ, онъ твердилъ только, что сдѣлаетъ такъ, какъ у него намѣчено; во всякомъ увѣреніи, намекавшемъ на возможность выѣзда въ случаѣ неудачи, онъ видѣлъ слабость, т. е. нѣчто достойное только презрѣнія; до этой слабости онъ ни разу и не спустился ни наружно при всѣхъ, ни въ душѣ, наединѣ съ самимъ собой.

— Если таковы вообще Гогенцоллерны, то честь имъ и слава,—говаривалъ не разъ М. И. Драгомировъ, обсуждая въ тотъ разъ на разные лады доблести и вообще качества своего гостя.

Правда, принцъ могъ держаться твердо, чувствуя передъ собой скалу въ видѣ Бисмарка; но извольте-ка умудриться эту скалу чувствовать такъ чувствительно, чтобъ ни разу, ни на секунду не придти въ малѣйшее смущеніе при тѣхъ обстоятельствахъ, когда со всѣхъ сторонъ и англичанинъ, и турокъ, и французъ рвутъ, принаравливаясь не только смутить, но и уничтожить,—а румынцы прямо безъ удержу тянутъ въ топъ. Все время принца не покидала забота о томъ, чтобы члены опереточнаго букарестско-яесскаго посольства, которому онъ довѣрилъ свою персону, выказывали поменьше растерянности; онъ направлялъ ихъ къ тому, чтобы они какимъ-нибудь фальшивымъ шагомъ не ввернули въ дѣло лишніхъ осложненій и не испортили бы его въ основѣ. При всемъ томъ онъ относился къ нимъ сдержанно и какъ къ дѣтямъ снисходительно, показывая къ нимъ уваженіе, какъ къ представителямъ страны, слугой и первымъ подданнымъ которой онъ готовился сдѣлать себя. Когда вокругъ возбуждался смѣхъ по адресу румынъ, и кто-то позволилъ себѣ назвать ихъ цыганятами, принцъ взглянулъ на это очень сурово, какъ бы обидѣвшись и не стѣсняясь осудилъ эту продѣлку одного изъ дѣйствовавшихъ тамъ дипломатовъ.. Не мало времени прошло до тѣхъ поръ, пока прусскій посолъ, внимательно выслушавъ „цыганятъ“, подробно узнавъ отъ нихъ всѣ обстоятельства ихъ аудіенціи у Наполеона въ Парижѣ, а затѣмъ много, обстоятельно переговоривъ съ принцемъ, пришелъ къ убѣ-

жденію въ необходимости намѣтить и въ возможности провести иной планъ; то былъ планъ, согласный въ мельчайшихъ подробностяхъ съ намѣреніями принца-претендента, твердо предъявлявшаго свои домогательства и не имѣвшаго никакого расположенія даже подумать объ отказѣ отъ изобрѣтенной румынами и имъ самимъ кандидатуры.

Онъ понималъ и твердо зналъ, что, разъ Бисмаркъ стоитъ у этого дѣла за ихъ спиной, всякія осложненія явятся пустякомъ, но, конечно, вѣрнѣе и лучше, если ихъ будетъ являться какъ можно меньше или если они вовсе не будутъ нарождаться, особенно по такимъ пустяшнымъ основаніямъ, какія поминутно вызывались членами посольства.

Гр. Бисмаркъ, получивъ донесенія о ходѣ этого, казавшагося ему шуточнымъ, эпизода, немедленно же поручилъ, находившемуся тогда въ Біаррицѣ, германскому послу въ Парижѣ графу Гольцу, обстоятельно переговорить тамъ съ Наполеономъ, наведя на это разговоръ во время одной изъ прогулокъ, которыя Императоръ имѣлъ обыкновеніе предпринимать съ нимъ послѣ своего купанья.

Наполеонъ обо всемъ вспомнилъ, выяснилъ, что вслѣдствіе простой забывчивости, давая направленіе дѣлу своему послу въ Константинополь Де-Мутье, упустилъ ввести ему въ инструкцію полныя подробности нужды игрушечнаго государства, только-что прекрасно разыгравшаго свой переворотъ и готовившагося начать новую жизнь подъ фѣрулой приобрѣтавшагося страной на свободный престолъ новаго князя изъ числа рекомендованныхъ имъ же, императоромъ, изъ принцевъ нѣмецкой крови.

Все уладилось; въ маѣ 1866 года князь Карлъ торжественно въѣхалъ въ Бухарестъ и началъ свое мудрое управленіе краемъ.

Нужно знать характеръ народа румынскаго, чтобы повѣтъ, сколько трудностей отъ однѣхъ партійныхъ неурядицъ князь встрѣтилъ на первыхъ порахъ, и сколько ихъ ему представлялось необходимымъ выносить въ теченіе почти полувѣкового царствованія; помимо дразгъ партійныхъ, сколько вообще неурядицъ по всѣмъ отраслямъ довелось ему принять, какъ терпѣливо, съ какою твердостью онъ все вынесъ, по части устроенія земельного, военнаго, гражданскаго, финансоваго, народно-просвѣтительнаго, затѣмъ по части церковной, по части улучшенія путей сообщенія, поднятія торговли и промышленности и, наконецъ, по части сношеній съ иностранными государствами, народами и дворами; достойно поученія все то, что ему посчастливилось сдѣлать; румыны его боготворятъ, они съ гордостью оглядываются на прошлое, и, можно сказать, черную неблагодарность проявилъ бы этотъ народъ, если бы послѣ всего

достигнутаго въ дѣлѣ колоссальныхъ успѣховъ маленькаго государства подъ покровомъ мощнаго главы, нашель возможнымъ печаловаться на этого главу, дѣятельно содѣйствовавшаго всестороннему движенію страны впередъ. Рѣдко какое государство можетъ похвалиться такой массой насажденія подобныхъ улучшеній за полувѣковое свое историческое существованіе.

Ко всему, что вынесъ Карль, нужно добавить еще одну мелочь: денежныя дѣла страны были на столько разстроены, что нѣсколько лѣтъ онъ вовсе не получалъ содержанія; онъ долженъ былъ расходовать собственныя деньги и на себя лично, и на княжескій дворъ. Къ счастью, онъ имѣлъ огромное состояніе; это ему помогло и впоследствии нѣсколько разъ прямо заполнять недочеты денегъ на серьезные государственныя расходы. Румыны, при всей легкости своего характера, оцѣнили это, понявъ, что неурядица ихъ государственной жизни могла его лишитъ состоянія: вклады, дѣлавшіеся имъ отъ времени до времени, могли кануть, и то обстоятельство, что Карль самыя большія суммы, не задумываясь, давалъ въ помощь странѣ, нація относилъ къ особому, свойственному ему, какъ главѣ государства, благородству. М. И. говорилъ:—Онъ жертвовалъ, считая, что и въ случаѣ потери всего, долгъ приказывалъ ему жертвовать; съ другой стороны, конечно, никакія случайности не могли его пугать, — это не такой человѣкъ, котораго можно было бы, прикрываясь какими бы то ни было обстоятельствами, усадить подъ револьверомъ въ карету, увезти за румынскую границу и тамъ бросить, снабдивъ грозными нотаціями на прощанье.

Двумя богатствами своими Карль былъ всецѣло обязанъ своей матери, женщиной умной, образованной и обладавшей необычайно твердымъ характеромъ; весь нравственный, духовный образъ свой онъ получилъ отъ нея тщательнаго ухода за нимъ, — она всецѣло занималась воспитаніемъ своихъ дѣтей, ни на шагъ не упуская ихъ изъ виду до школьнаго возраста. Кромѣ того, она сумѣла сохранить и увеличить свои состоянія: одно, которымъ обладала сама, какъ принцесса Баденская ¹⁾, и другое, которое перешло къ ней отъ ея мужа, князя Антона—при его жизни;—все это состояніе она, умирая, раздѣлила между дѣтьми поровну. Къ этому громадному богатству перешло еще въ удѣлъ Карла также большое состояніе отца, умершаго въ 1885 году и имѣвшаго счастье зпать заслуги его сына на престолѣ Румыніи и дожить до провозглашенія

---

¹⁾ Дочь баденскаго принца, родного брата супруги Императора Александра I—Императрицы Елисаветы Алексѣевны.

имъ себя королемъ. Матери не суждено было все это видѣть, знать и чувствовать.

Большая часть здѣсь рассказаннаго представляетъ сообщеніе, въ которомъ главная нить взята мною изъ сохранившихся въ моихъ записяхъ рассказовъ М. И. Драгомирова; мелочи, разныя справки и придаточныя свѣдѣнія добавлены мною изъ другихъ источниковъ, составлявшихъ предметъ тѣхъ же давно веденныхъ записей.

* * *

Когда начинались у Румыніи какія бы то ни было затрудненія въ сношеніяхъ съ другими державами, король всегда бралъ дѣло въ свои руки и лично доводилъ его до конца, давая руководящія указанія министру иностранныхъ дѣлъ; это всегда было извѣстно всей странѣ и сосѣдямъ.

Что касается отношеній короля Карла къ Россіи, то они всегда въ соотвѣтствіи съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ были самыя правильныя. Нѣкоторыми выставляются въ немъ кое-какіе, говорилъ М. И., не нравящіеся людямъ строгимъ его поступки, клонившіеся къ нарушенію добрыхъ съ нами отношеній; рассматривая съ этой стороны его поведеніе, можно сказать: въ этомъ проглядываетъ то, что къ королю предъявлялись несуразныя требованія; не могъ же онъ, состоя, какъ самъ онъ выражался, первымъ слугой своего государства, служить интересамъ Россіи въ томъ, въ чемъ людямъ, имѣвшимъ о немъ такія сужденія, хотѣлось видѣть его слугой Россіи. Часто поступки подданныхъ, между коими дѣйствуютъ и министры, и депутаты, и націон. собраніе и сенатъ, приписываются главѣ государства.

Когда Румынія обязалась въ 1877 году начать дѣйствовать совместно съ Россіей въ случаѣ, если понадобится, а затѣмъ „въ минуту жизни трудную“ задумала отдѣлаться отъ этого своего обязательства, какъ бы доказывая тѣмъ, что дала его, пребывая въ полной увѣренности относительно того, что не понадобится,— князь Карлъ единично сталъ съ твердостью на томъ, что это должно быть исполнено, и исполнилъ, предварительно давъ понять всѣмъ и въ государствѣ своемъ и внѣ его, что онъ сломитъ это желаніе увильнуть отъ долга. Такихъ примѣровъ имѣется нѣсколько; Карлъ вездѣ былъ въ высшей степени корректенъ, но привести всѣ случаи нельзя безъ того, чтобы не зайти слишкомъ далеко,—а большія подробности не умѣстятся въ эту замѣтку; если Россіи грубили въ малодушіи своемъ тѣ же братіаны и иные „цыганята“, нельзя это ставить въ вину королю Карлу, который всякій разъ при подобныхъ съ ихъ стороны продѣлкахъ проявлялъ такую же

мощную выдержку, какою искусно осаждалъ ихъ во время пресловутыхъ Бѣлградскихъ переговоровъ при протаптываніи себѣ широкаго пути къ престолу.

Во время нашей войны 1877 года я мало зналъ князя Карла,—говорилъ М. И., но все то, что мнѣ случалось слышать отъ людей компетентныхъ о командованіи имъ арміей подъ Плевной, вполне подтверждаетъ свѣдѣнія объ его военныхъ способностяхъ вообще и свидѣтельствуесть объ его талантахъ административныхъ, организаторскихъ, стратегическихъ и боевыхъ, объ его рѣдкомъ умѣньи съ полнѣйшею находчивостью распоряжаться массами войскъ; во всемъ, что онъ высказывалъ тогда этимъ лицамъ ¹⁾, частно бесѣдуя съ ними или совѣщаясь съ ними оффиціально, и что приходилось мнѣ впоследствии слышать въ его отзывахъ и бесѣдахъ со мной, показывало въ немъ человека опытнаго въ военномъ дѣлѣ, начитаннаго, находчиваго, а при этомъ идеально безпристрастнаго, справедливо-требовательнаго, опредѣленнаго и главное—въ высокой мѣрѣ твердаго.

Не надо забывать, что М. И. Драгомировъ вообще рѣдко расточалъ похвалы и далеко не былъ на нихъ тароватъ.

— Вотъ какого достойнаго гостя мы чествуемъ здѣсь теперь,—сказалъ, показывая въ сторону короля Карла, любовавшагося видами береговъ Днѣпра, Мих. Ив., заканчивая рассказъ о немъ на пароходѣ во время катанья, которое было устроено въ честь короля-гостя военными, съ участіемъ кіевскаго общества вообще.

А. Е. К.

---

¹⁾ Между ними были такіе генералы, какъ Тотлебенъ, Зотовъ, Новицкій, Непокойчицкій, Гурко, Моллеръ, Экстенъ. кн. Масальскій, Столыпинъ, кн. Имеретинскій, Скобелевъ 2.